

Исупова Светлана Михайловна

ЗАГАДКА "ЛОПУХИНСКОГО ЦИКЛА" М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье анализируются произведения М. Ю. Лермонтова, посвященные Варваре Александровне Лопухиной, а также лирические послания, которые органически вписываются в общий фон рассматриваемого цикла и с большей долей вероятности принадлежат ему. В большинстве случаев сочинения поэта лишены прочных фактических и исторических ассоциаций, что отражается на их понимании и комментировании. Несмотря на достаточную изученность любовной лирики Лермонтова, спорной до сих пор остается принадлежность некоторых произведений к "лопухинскому циклу".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 86-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

artıq gərək olmayacaq
soyumuş barmaqlara.
Günəşsiz sarmaşıqlar,
Mahnısını itirmiş aşıqlar.
Bir də saman sarısı!
Doğumsuz, böyük insanın
son eşqi, son ağrısı [5].

Струна, которая
Больше никогда не понадобится
Остывшим, холодным пальцам,
Как вьюны без солнца,
Как влюбленные без песни,
И золото колосьев,
Последняя любовь, последняя боль
Великого, ненасытного человека.

В цикле стихотворений «Краски» во фрагменте «Золото колосьев» не только строки «В лучах заката Назим Хикмет, бросивший вызов ранам груди своей», но и все стихотворение в целом становится отголоском отдельных метафор Назима Хикмета.

Интересно то, что последняя строчка, как и первая, заканчивается именем Назима Хикмета, но в этот раз имя не называется, потому что в конце стихотворения это настолько законченный образ, что нет нужды называть по имени.

На примере этого стихотворения можно увидеть яркий образ Назима Хикмета со всеми его компонентами в поэзии Азербайджана.

Список литературы

1. **Azər Abdulla.** Nazim Hikmət havası [Электронный ресурс]. URL: <http://gunxeber.com/?p=17416> (дата обращения: 10.12.2013).
2. **Əli Kərim.** Həmişə səfərdə. Gənclik - Bakı, 1973. 63 səh.
3. **Əli Nazim.** Seçilmiş əsərləri. Bakı, 1979. 374 səh.
4. **Nazim Hikmət.** Seçilmiş əsərləri, iki cildə, 1-ci cild. Bakı, 1961. 304 səh.
5. **Rza Rəsul** [Электронный ресурс]. http://rasulrza.musigi-dunya.az/elektron_kitab.shtml (дата обращения: 10.12.2013).
6. **Vaqif Səmədoğlu.** «Həhi, Mən burdayam». Gənclik, 1997. 440 səh.
7. **Xalq səbhəsi:** qəzeti. 2002. Aprel 24.

NÂZİM HİKMET'S POETRY INFLUENCE ON AZERBAIJANI POETRY

Islamly Agil' Zabil' oğly

Sumqayıt State University, Azerbaijan

Aida092007@mail.ru

In the article the analysis of poems devoted to the great Turkic poet Nâzim Hikmet after his death is given; his poetry influence on the Azerbaijani poetry is considered. The poems devoted to Nâzim Hikmet since the 60s of the last century have had a great meaning for the artistic perception of the poet's many-sided creative work as well as for the creation of Nâzim Hikmet's image in literature world. That is why the most characteristic poetic works devoted to Nâzim Hikmet were chosen and studied. His image was analyzed in the context of modern, historic and poetic meaningfulness. The article speaks of the poets, who knew Nâzim Hikmet in person, and the poets, who had never seen him but created poetic works on the basis of Nâzim Hikmet's existing image.

Key words and phrases: Nâzim Hikmet; Azerbaijani poetry; Turkic poetry; Rasul Rza; Vagif Samed oğly; blank verse (free rhyme); dynamics of artistic image.

УДК 82.081-1

Филологические науки

В статье анализируются произведения М. Ю. Лермонтова, посвященные Варваре Александровне Лопухиной, а также лирические послания, которые органически вписываются в общий фон рассматриваемого цикла и с большей долей вероятности принадлежат ему. В большинстве случаев сочинения поэта лишены прочных фактических и исторических ассоциаций, что отражается на их понимании и комментировании. Несмотря на достаточную изученность любовной лирики Лермонтова, спорной до сих пор остается принадлежность некоторых произведений к лопухинскому циклу.

Ключевые слова и фразы: цикл; лирические послания; анализ; проблема; образ; адресат.

Исупова Светлана Михайловна, к. филол. н.

Вятский государственный университет

nat.shulateva@yandex.ru

ЗАГАДКА «ЛОПУХИНСКОГО ЦИКЛА» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА©

О загадочности гения и произведений Лермонтова писал ещё В. Г. Белинский, с работ которого началось изучение творческого наследия поэта [3]. С тех пор поколения критиков, литераторов неизменно отмечали

загадочность многих лермонтовских творений. Действительно, Лермонтов шифровал свои произведения: либо избегая ставить в заглавиях стихотворений имена лиц, к которым они обращены, либо говорил намеками. Отсюда сочинения Лермонтова в большинстве случаев лишены прочных фактических и исторических ассоциаций, что отражается на их понимании и комментировании. Несмотря на достаточную изученность любовной лирики поэта, спорной до сих пор остаётся принадлежность некоторых стихотворений к «лопухинскому» циклу. В. А. Архипов в книге «Лермонтов. Поэзия познания и действия» рассматривает любовную лирику Лермонтова, выясняя поэтический идеал любви. Исследователь отмечает, что «при всей возвышенности и идеальности лермонтовская любовь – чувство человеческое, т.е. земное. Лермонтовское земное – земное в его огромности, в нём все грани человеческого –ж» [2, с. 77]. Ю. М. Лотман в книге «Анализ поэтического текста» анализирует лермонтовскую концепцию любви, пишет о характере окказиональной семантики элементов стихотворения, образуемых его контекстом [10, с. 97].

Имя Лопухиной почти столетия оставалось неизвестным читателю лермонтовской лирики: не упоминалось ни в комментариях к сочинениям поэта, ни в работах биографического характера. Родственники Лопухиной старались скрыть историю взаимоотношений Лермонтова и Вареньки. Первый биограф поэта П. А. Висковатый, исследуя лирику Лермонтова, впервые указал примерный круг произведений, связанных, по его мнению, с образом В. Лопухиной [4]. В 1880 году П. А. Висковатый знакомится с архивом Верещагиной, которая была родственницей Лермонтова и близкой приятельницей В. А. Лопухиной. Именно ей Варвара Александровна после своего замужества передала столь дорогие для неё лермонтовские автографы и живописные произведения, подаренные ей поэтом. Ценность в отношении исследуемой проблемы представляют письма из переписки Лермонтова и В. А. Лопухиной, доподлинно воспроизводящие характер того трепетного чувства, которое Лермонтов всегда испытывал к Вареньке. Однако сам Лермонтов во всех своих произведениях, в которых были отражены его взаимоотношения с Лопухиной, стараясь всячески отвести читателя от разгадки имени любимой женщины, тщательно шифровал её портретное сходство. Готовя к печати юношескую поэму «Измаил-Бей» [7, с. 164-242], он снимает восемь строк посвящения, в которых содержится намёк на их отношения. В драме «Два брата» [Там же, с. 66-71], которая по указанию самого Лермонтова является автобиографическим произведением, поэт называет любимую женщину не Варварой, а Верой, осложняя любовную драму несуществующим в действительности чувством ревности одного брата к другому. С той же подменой имён мы встречаемся и в «Княгине Лиговской» [9, с. 164-251], и в зрелом шедевре Лермонтова – повести «Княжна Мери» [Там же, с. 356-461] из романа «Герой нашего времени». Всё это свидетельствует о необыкновенной деликатности чувства поэта. В настоящее время исследователи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова сходятся во мнении о том, что любовь к Лопухиной была глубокой страстью поэта, заметно повлиявшей на его творчество и многогранно отразившейся в нём. Вопрос количественного состава «лопухинского цикла» и по сей день остаётся проблематичным, не исследованным в той мере, в какой это было сделано с более ранними «сушковским» и «ивановским» любовными циклами. Образ Лопухиной выступает символом вечной любви, приближается к идеалу, с ним связываются самые чистые и светлые переживания, им соизмеряет Лермонтов свои предыдущие и последующие увлечения, отсюда так подчёркнуто в данных лирических посланиях преобладание в любовном чувстве не физиологического, а одухотворённого начала.

Лермонтовское понимание природы любви наиболее ярко отразилось в стихотворении «Она не гордой красотой» [6, с. 384]. Если акцентировать внимание на автобиографичности данного сочинения Лермонтова, то можно сказать, что перед нами стихотворение-портрет, рисующий облик В. А. Лопухиной. Причём этот портрет реконструируется через отрицание облика лирической героини «ивановского цикла». Стихотворение строится на сопоставлении двух женских образов. Один – уходящий в небытие, образ капризной светской красавицы, другой – «родная душа». Отсутствие вычурных метафор, сравнений, эпитетов, простота и прозрачность текста, сконцентрированность на образе лирической героини, сознательное его укрупнение, чистота и искренность переживаний помогают Лермонтову создать ощущение соприкосновения с чем-то необычайно гармоничным, волнующим душу. У Лермонтова истинная любовь предстаёт как союз двух душ, равнозначных, устремлённых к активным деяниям.

Стихотворение «Мы случайно сведены судьбою» [Там же, с. 366] в лирике «лопухинского цикла» выделяется особым настроением просветлённости и уверенности в чувстве любимой, которая является для поэта единственной отрадой, опорой в скитаниях. Ни одну из женщин Лермонтов не удостоивал такого высокого звания, как «товарищ грозных бурь моих», «луч-путеводитель». С ней, любящей, разделяющей его помыслы, духовные устремления, поэту не страшен «гордый смех людей», их равнодушие. Как предполагает В. Л. Комарович, именно в этот период отношения Лермонтова и Лопухиной достигли своего апогея. «В том же 1831 году в альманахе «Сиротка» впервые появилась в печати «Мадонна» Пушкина... В 1831 году, каких-нибудь 5-6 месяцев спустя, в той же Москве другой поэт, с теми же небезответственными словами «Моя Мадонна» мог, конечно, обратиться, подобно Пушкину, только к невесте. Само собой обнаруживается таким образом вся ответственность для Лермонтова и Лопухиной их сложившихся к концу 1831 года отношений» [5, с. 654]. Стихотворение поэт включил в свой единственный прижизненный сборник, рассматривая как одну из лучших поэтических миниатюр. В этом стихотворении всё «лермонтовское» – глубина чувства, исключительная по силе «память сердца» и в то же время сдерживаемая страстность, таинственная недоговорённость и удивительная композиционная завершенность. В 1831 году было написано стихотворение «Ангел» [Там же, с. 239]. В нём «слышится удивительная музыка стихотворной речи Лермонтова, которая является своеобразным отражением неземной красоты ангельской молитвы» [9, с. 151]. Тема молитвы, ангельской «души молодой» становится основным мотивом многих лирических миниатюр «лопухинского цикла». Данные стихотворения

восходят к трём стихотворениям 1831 года, созданным почти одновременно: «Силуэт», «Как дух отчаянья и зла», «Я не люблю тебя» [6, с. 260-263]. Все они объединены мотивом разлуки и неугасимого чувства и предвосхищают его воплощение в стихотворении «Расстались мы» [Там же, с. 423]. Известный лермонтовед Б. Г. Удодов разность взглядов по вопросу, касающемуся адресата стихотворения, объясняет наличием его разных редакций [12]. Известно, что к концу 1831 года разрыв с Н. Ф. Ивановой был Лермонтовым не только пережит, но и художественно-поэтически осознан и отражен в ряде произведений. Наиболее крупным и значительным из них была романтическая драма «Станный человек» [8, с. 254-346].

К этому же времени относился набросок стихотворения «Силуэт» [6, с. 260]. По мнению Б. Г. Удодова, налицо родственность этого наброска будущему «Расстались мы, но твой портрет...». В той же черновой четвертой тетради появляются стихотворения «Как дух отчаянья и зла...», «Я не люблю тебя...», посвящённые Н. Ф. Ивановой, в которых подведён горький и грустный итог безрадостного, неразделённого, но глубокого чувства [12, с. 138]. Три стихотворения создали единый «микроцикл». В 1837 году при каком-то новом жизненном импульсе (возможно, даже при мыслях о В. А. Лопухиной) первое и третье из этих стихотворений всплыли в творческом сознании поэта. Синтез и переработка первой строфы «Силуэта» и второй «Я не люблю тебя» дали миниатюру «Расстались мы». Центральным темой этой миниатюры стала тема неугасимой любви к утраченной возлюбленной, символической «заменой» которой выступает её портрет. Данный мотив осложняется темой «новых страстей», не вытесняющих первую, а подчеркивающих её значимость: лирический герой хранит верность не самой возлюбленной, а её портрету, т.е. своеобразному идеалу «памяти любви», воплощением которой была В. А. Лопухина. Завершается миниатюра символически-иносказательным сравнением. Причём традиционные для любовной лирики метафоры «храма» и «бога» помещены у Лермонтова в реальный психологический контекст и лишаются условно-поэтического ореола, резко повышая лирическую напряженность стихотворения.

К шедеврам любовной лирики Лермонтова относится стихотворение «Молитва» [6, с. 422], которое справедливо признается вершиной «лопухинского цикла». Стихотворение может быть названо гимном душевной красоте. В «Молитве» сложный синтаксис, почти иступленная речь. Как будто человек страшится, что ему не успеть сказать главное. Во второй части стихотворения усиливается просветленность чувства, с которым поэт произносит пожелание счастья той, кого называет «душой прекрасною». Пожелание лаконично, в нем нет подробностей, и совсем трогательно вырывается последняя мольба.

В 1841 году было написано лирическое стихотворение «Оправдание» [Там же, с. 508], которое развивает тему предыдущего. По всей вероятности, стихотворение также адресовано Лопухиной, ведь это моление о прощении. Эту же точку зрения имеют П. А. Висковатый [4] и С. А. Андреев-Кривич [1].

К стихотворениям «лопухинского цикла» многие лермонтоведы относят стихотворение «Валерик» [6, с. 497-505], которое отличается сложностью жанровой структуры. Основная часть представляет собой описание походной жизни и военных действий на Кавказе, кровопролитного боя на реке Валерик между отрядом генерала Галафеева и чеченцами 11 июня 1840 года, в котором участвовал Лермонтов. Вместе с тем это исповедь перед любимой. Лермонтов размышляет о жизни и смерти, о судьбах людей, о войне. И в момент такого обострённого постижения жизни яснее предстает поэту его собственное бытие. Обращение к любимой женщине напоминает разговор, который полон той задушевной простоты, что устанавливается лишь между близкими людьми. В трагическом единении любви и страдания проходит образ этой женщины через всю жизнь поэта. Это подтверждает стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю», внесённое летом 1841 года в книжку Одоевского [Там же, с. 549]. Нет единого мнения об адресате данного стихотворения. Ведущей является точка зрения, что адресат «Е. Быховец – В. А. Лопухина». Е. Быховец – это родственница Лопухиной. У зрелого Лермонтова верность пережитому, завершённость судьбы и всех личных отношений в прошлом. Герой любит не ту, с кем говорит, резкость его слов лишь отчасти смягчена утешительным комплиментом второй строки, но всё-таки он любит нечто в нынешней собеседнице (свою погибшую молодость, сходство с «подругой юных дней»). Между тем «прошлое страданье» – нечто несравненно большее, чем предлог для лирической исповеди перед слушательницей. В какой-то момент мысленное созерцание прошлого произвольно выступает вперёд и в финале целиком завладевает вниманием героя. «Давно немые» уста, от которых в ходе таинственного разговора всё ещё ожидается ответное слово, и «угаснувшие очи», чей огонь всё ещё светит из новых, чуждых глаз, – это образы такой поэтической значимости, что они заслоняют не только образ слушательницы, но и лирическое «я». И кажется, что это прощание, прощание перед... смертью. Вскоре Лермонтов погиб.

Относительно стихотворений «Ангел», «Валерик», «Нет, не тебя так пылко я люблю» [Там же, с. 239, 497-505, 549] в лермонтоведении нет единого мнения, но ведущей на сегодняшний день по-прежнему остаётся гипотеза отнесения данных стихотворений к «лопухинскому циклу». Стихотворения «Расстались мы, но твой портрет» и «Оправдание» [Там же, с. 423-508], адресат которых до сих пор однозначно не определён, тоже органично вписываются в общий тон рассматриваемого цикла, и с большей долей вероятности в качестве их адресата может быть названа В. А. Лопухина. «Лопухинский цикл» среди других стихотворений о любви выделяется образом лирической героини и характером внушаемого ею чувства.

Список литературы

1. Андреев-Кривич С. А. Всеведение поэта (М. Ю. Лермонтов). М.: Советская Россия, 1973. 252 с.
2. Архипов В. А. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М.: Московский рабочий, 1965. 471 с.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Т. 4. 267 с.
4. Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Издательство «Книга», 1989. 484 с.

5. **Комарович В. А.** Автобиографическая основа «Маскарада». М.: Литературное наследство, 1941. 664 с.
6. **Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений: в 4 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 1. 825 с.
7. **Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений: в 4 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 2. 825 с.
8. **Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений: в 4 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 3. 825 с.
9. **Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений: в 4 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 4. 825 с.
10. **Лотман Ю. М.** О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
11. **Сахарова О. В.** Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ангел» в свете православного вероучения о небесном воинстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 8. Ч. 1. С. 151-153.
12. **Удодов Б. Г. М. Ю. Лермонтов.** Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. 543 с.

MYSTERY OF M. YU. LERMONTOV'S "LOPUKHINA'S CYCLE"

Isupova Svetlana Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Vyatka State University
nat.shulateva@yandex.ru

In the article M. Yu. Lermontov's works devoted to Varvara Aleksandrovna Lopukhina and lyric messages, which are organically included in the general background of the considered cycle and very likely belong to him, are analyzed. In most cases the poet's works have no strong real and historical associations; it influences their perception and comment. In spite of the sufficient study of M. Yu. Lermontov's love lyrics some works belonging to "Lopukhina's Cycle" is still disputable.

Key words and phrases: cycle; lyric messages; analysis; problem; image; addressee.

УДК 821.161.2.09

Филологические науки

В статье исследованы особенности изображения народных учителей начала XX века в произведениях украинских писателей-педагогов Ивана Садового и Марии Колцуняк. Тексты анализируются с учетом функционирования в них значимого в поэтике обоих авторов мотива учительской самоотверженности. Особое внимание обращено на личностные качества главных персонажей, события и ситуации в сюжетах, определяющие самоотверженность педагогов в их нелегком труде.

Ключевые слова и фразы: мотив; образ народного учителя; характеры героев; новелла; очерк; повесть; символ.

Клейменова Татьяна Вячеславовна

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Украина)
tataklej.t@yandex.ua

МОТИВ УЧИТЕЛЬСКОЙ САМООТВЕРЖЕННОСТИ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ПЕДАГОГОВ ИВАНА САДОВОГО И МАРИИ КОЛЦУНЯК®

Теме учительства посвящено в художественной литературе огромное количество произведений. Ведь педагоги всегда принадлежали к настоящей интеллектуальной элите своей нации, способствовали национально-культурному развитию народа, были и являются исполнителями социально предопределенного задания – подготовка подрастающего поколения к активному участию в жизни общества. Естественным является факт, что мотив учительской самоотверженности наиболее распространен в произведениях тех литераторов, которые сами работали учителями. Творчество писателей, совместивших в жизни литературный труд и педагогическую деятельность, – это интересный и должным образом не исследованный пласт художественной литературы. Учителем были в разные времена Л. Толстой, П. Ершов, Н. Гоголь, П. Бажов, А. Солженицын, И. Нечуй-Левицкий, Б. Гринченко, Е. Ярошинская, Степан Васильченко, О. Маковой, Б. Лепкий, Днепровская Чайка, А. Макаренко, В. Сухомлинский, С. Черкасенко и многие другие русские и украинские писатели.

Кроме знаменитых литераторов необходимо вспомнить и менее известных, которые также настойчиво работали одновременно в литературной и педагогической сферах. Среди них достойны особого внимания личности литераторов из Западной Украины конца XIX – первой трети XX века, которые реализовали свой писательский и педагогический талант в сложных общественно-политических обстоятельствах и, как и выдающиеся литераторы-педагоги, пытались противостоять ассимиляционным акциям иностранных поработителей, привлекли свой голос на защиту прав родного народа, внесли художественные достижения в литературный процесс. Только в XXI в. некоторые из них начали возвращаться из небытия в научный узус. К их числу принадлежат Мария Колцуняк (1884-1922) и Иван Садовый (1890-1954), творчество которых до сих